

Сяо Цяо: Мама, твой старшенький пришел. Я здесь не для того, чтобы стать частью вашей семьи, а чтобы разрушить её (ладно, шучу).

Линь Чэнби все эти годы носила стрижку до плеч и одевалась в строгом, лаконичном стиле. Казалось, она совсем не изменилась, и лишь вблизи можно было заметить проступившие на её лице первые неизбежные морщинки.

Встретившись взглядом с внезапно появившимся Цяо Юаньлинем, она растерялась, а стоявшие рядом мужчина и ребенок перестали смеяться. В одно мгновение царившая вокруг них атмосфера семейного счастья бесследно испарилась, оставив лишь неловкость от чужого вмешательства.

Цяо Юаньлинь слегка оцепенел. Он прижал руки к швам брюк и с силой сжал пальцы — суставы тихо хрустнули.

Придя в себя, Линь Чэнби отпустила руку маленького мальчика и удивленно произнесла:

— Юаньлинь?

Мальчик тут же снова схватил её за руку и закапризничал, протестуя:

— Мама, держи меня за руку!

Цяо Юаньлинь молча ждал. Ему хотелось узнать, представит ли его Линь Чэнби. И что она ответит, если ребенок спросит, кто он такой.

Мужчина, по-видимому, догадался, кто перед ним. Он взял Канкана за другую руку. Линь Чэнби подала ему знак глазами и сказала:

— Отведи пока Канкана погулять туда, мне нужно поговорить.

Цяо Юаньлинь мысленно усмехнулся своей наивности. Он и забыл, что Линь Чэнби всегда вела дела безупречно и умела избегать неловких ситуаций. Самые бурные сцены в её жизни происходили разве что во время ссор с Цяо Вэньюанем перед их разводом.

Глядя вслед вприпрыжку убегающему мальчику, он спросил:

— Его зовут Канкан? В значении «здоровый»?

— Да, это домашнее имя, — Линь Чэнби подошла ближе и положила руку ему на плечо. — Юаньлинь, как ты здесь оказался?

— По работе, — ответил Цяо Юаньлинь.

Линь Чэнби кивнула:

— Я видела последние выпуски программы «Бадатун», там упоминалось твое имя. Это ты их готовил?

В душе Цяо Юаньлиня теплилась почти детская надежда. Ведь он уже состоявшийся журналист, профессионал своего дела, а тот ребенок — всего лишь малыш, кланчащий мороженое. Разве этим он не должен радовать Линь Чэнби больше? Разве она не должна гордиться им сильнее?

— Меня перевели туда некоторое время назад, — не удержался он от хвастовства. — Главный редактор меня ценит, и сегодняшний выпуск тоже на мне.

— Программа «Бадатун» на телеканале уже давно теряет позиции, — заметила Линь Чэнби. — Лучше вернись в отдел репортажей, там больше перспектив. Сын, нельзя просто плыть по течению. Пока ты молод, нужно пробивать себе дорогу, а не тратить время на бесперспективные проекты.

Огонек надежды в груди Цяо Юаньлиня мгновенно угас. Ощущение было такое, словно ты принес домой контрольную, выполненную на высший балл, а тебе сказали, что сами задания не имели никакого значения, и все твои старания были напрасны.

— Не нужно, мне хорошо в «Бадатун», — сказал он. — К тому же на праздниках можно выбраться в парк развлечений. В детстве я всегда мечтал здесь побывать, просто мне повезло меньше, чем другим детям.

Линь Чэнби уловила его обиду и протянула руку, чтобы ласково коснуться его щеки. Но в этот момент издали донесся звонкий детский голос:

— Мама!

Рука соскользнула с его лица. Цяо Юаньлинь, отчаянно пытаясь вернуть хоть каплю внимания, которая должна была принадлежать ему по праву, быстро произнес:

— Мама, я недавно лежал в больнице.

— Что случилось? Что-то серьезное? — нахмурилась Линь Чэнби. — И куда только смотрит твой отец? Я слышала, он снова женился. Неужели ему теперь не до тебя?

«А ты? У тебя ведь тоже родился сын, поэтому тебе не до меня?» — этот вопрос Цяо Юаньлинь так и не решился озвучить. Вместо этого он спросил:

— Как бабушка? Я очень по ней скучаю.

Линь Чэнби с досадой вздохнула:

— Бабушка только о тебе и твердит. Всё рвется обратно в Пинхай, но она уже в годах, и я боюсь оставлять её одну.

Работа, здоровье, семья... Обменявшись дежурными фразами, отдалившиеся друг от друга мать и сын замолчали. Им больше не о чем было говорить. Цяо Юаньлиня ждали коллеги из съемочной группы, а Линь Чэнби — муж и ребенок.

Кто знает, когда они увидятся в следующий раз. Цяо Юаньлинь думал, что отчаянно захочет, чтобы Линь Чэнби обняла его, но сейчас не почувствовал такого желания. Возможно, их чувства действительно угасли за те три тысячи дней и ночей, что они провели порознь.

Он сухо попрощался и ушел работать, ни разу не оглянувшись.

И все же он не мог избавиться от навязчивых мыслей. В коротких перерывах между съемками, когда он опускал и поднимал голову, в секундных паузах во время разговоров с коллегами... Он невольно представлял, чем сейчас занята Линь Чэнби. Катается ли она с малышом на колесе обозрения, покупает ли ему игрушки или они все вместе делают памятные фотографии в честь

праздника?

Съемки продолжались до самой темноты. Вечером вдоль береговой линии раскинулся песчаный рынок, а на улице с гостевыми домами начался парад праздничных платформ. Цяо Юаньлинь сделал несколько снимков на телефон и выложил их в свою ленту.

Объем работы, рассчитанный на полтора дня, удалось завершить досрочно благодаря тому, что все практически отказались от обедов и отдыха. За исключением операторов, которым завтра утром предстояло снимать рассвет, остальные завершили работу.

Закончив дела, коллеги решили пойти на барбекю. Цяо Юаньлинь чувствовал себя слишком уставшим, поэтому придумал предлог и остался один.

Он сидел на приморской площади, подставляя лицо прохладному ветру. В чернильной темноте моря покачивались редкие огоньки. Из-за наплыва туристов в праздничные дни паромный терминал работал до глубокой ночи, и сейчас к берегу причаливало последнее судно.

Он заглянул в телефон — под его публикацией появилось несколько комментариев.

Ин Сяоцун: «Остров Линхай?»

Лао Сы: «Ну всё, опять нахлынули воспоминания о том, как я ловил тебя, прыгая из окна».

Цяо Юаньлинь не нашел сообщений от Лян Чэна — тот, кажется, сегодня дежурил. Он убрал телефон. От холода застегнул куртку до самого подбородка и стал наблюдать за паромом, медленно приближавшимся к причалу.

В исследовательской лаборатории на десятом этаже больницы Жотань было темно. На опущенном проекционном экране мелькали кроваво-красные кадры. Несколько хирургов, словно собравшись в кинотеатре, пересматривали записи операций за прошедший месяц.

На стене висел лозунг: «Дилетант тренируется, чтобы сделать правильно, а профессионал — чтобы не совершать ошибок».

Лян Чэн сидел в расстегнутом белом халате, на переносице у него красовались очки в тонкой черно-серебряной оправе, а между пальцами ловко вращалась гелевая ручка. Наблюдая за происходящим на экране, он мысленно прокручивал детали операции, запланированной на послезавтра.

Аневризма дуги аорты, смещение из-за аневризматического расширения. Предоперационная оценка практически завершена: коронарография, тонкосрезовая КТ-ангиография грудной клетки, брюшной полости и малого таза, трансторакальная эхокардиография... Он еще раз мысленно пробежался по списку, а затем попытался вспомнить, сохранил ли резервную копию отчета об исследовании периферических сосудов.

Просмотр закончился в два часа ночи. Лян Чэн спустился на лифте в отделение кардиохирургии, по пути купив в автомате стаканчик черного кофе.

В те два года, что он провел во Второй тюрьме Чэнси, там отбывал срок некто по фамилии Лун, окончивший всего лишь начальную школу. Как-то он купил на лотке трактат «Хуан-ди нэй-цзин» и с тех пор с головой ушел в китайскую медицину. Вот только его образование оставляло желать лучшего, а безграничное невежество привело к тому, что он насмерть отравил собственного племянника непонятными снадобьями.

Этот братец Лун как-то изрек:

— Кофе вреднее табака. Рано или поздно все легкие от него почернеют.

Ин Сяоцун тогда парировала:

— Иди ты к черту! Скажи еще, что от него мочевого пузыря почернеет.

Тогда Лян Чэн не сдержал усмешки, из-за чего и ввязался в свою первую драку. Внезапно вспомнив об этом, он сделал глоток горького напитка и свернул в коридор.

Если бы не бодрящий эффект кофе, он решил бы, что у него галлюцинации: на скамейке у стены, обняв свой рюкзак, сидел Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн помнил, что тот собирался в Линхай на два дня. Неужели вернулся посреди ночи? Он подошел ближе, присел на корточки перед Цяо Юаньлинем и спросил:

— Когда ты приехал?

Цяо Юаньлинь словно витал в облаках. С трудом сфокусировав взгляд, он достал из рюкзака упаковку сушеной рыбки и сказал:

— Привез тебе местный гостинец. Оригинальный вкус.

Лян Чэн повторил вопрос:

— Что случилось?

Цяо Юаньлинь лишь тихо пробормотал:

— Цены там взлетели до небес.

Видя, что с ним творится что-то неладное, Лян Чэн поднял его на ноги и увел в свой кабинет. Как только за ними закрылась дверь, отсекая посторонних, Цяо Юаньлинь уставился на него в упор, словно безмолвно о чем-то прося.

Боясь ошибиться в догадках, Лян Чэн спросил:

— Что с тобой?

— На пароме был сильный ветер. Я замерз, — ответил Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн услышал в его голосе обиду, но интуиция подсказывала, что дело вовсе не в ветре. Он подошел, обнял его за плечи и прижал к своей груди:

— Если хочешь, чтобы я тебя обнял, не нужно юлить и сдерживаться.

В это мгновение показное хладнокровие, которое Цяо Юаньлинь изо всех сил поддерживал весь день, рухнуло. Разочарование от встречи с Линь Чэнби росло и ширилось внутри него. Он боялся, что коллеги что-то заметят, боялся утонуть в собственной жалости, боялся всего на свете — настолько, что ему даже пришлось использовать пачку сушеной рыбки как нелепый повод прийти сюда.

Уцепившись за белый халат Лян Чэна и вдыхая его знакомый запах, он наконец почувствовал

себя в безопасности и сдался:

— Сегодня я встретил маму.

Лян Чэн молча слушал.

Голос Цяо Юаньлиня дрожал, когда он ставил окончательную точку в их отношениях с матерью:

— Ей больше совсем не нужно меня любить.

Начиная с раздела прав на опеку и заканчивая существованием второго ребенка, о котором он даже не догадывался, Линь Чэнби теперь казалась матерью исключительно для Канкана. По отношению же к нему её материнские чувства угасли настолько, что она жалела для него даже простого прикосновения.

Цяо Юаньлинь не плакал. Он лишь чувствовал, как та часть его сердца, которая долгие годы едва держалась, наконец оторвалась и исчезла. На её месте осталась лишь пустая, зияющая рана, сквозь которую сквозил ледяной ветер, мешая ему дышать.

<http://bllate.org/book/18284/1753089>